

ЮРИЙ КОРОЛЬКОВ

ТАМНЫ ВОЛНЫ

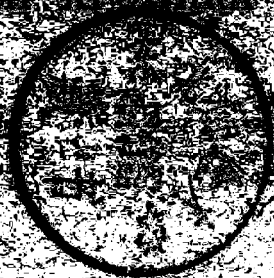
ОРИГИНАЛ

281620

ТАМЫШ

РОМАН ХРЕЩЕНА

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник АНАТОЛИЙ МЕНШКОВ

4782010200-268

1983 1020-86

76-86

ОТ АВТОРА

Это было много лет тому назад. В Нюрнберге шел процесс главных военных преступников. Судили Геринга, Гесса, Кейтеля. На скамье подсудимых сидели двадцать главари фашистской Германии. Заговорщиков постигла заслуженная кара.

Документы Нюрнбергского процесса не только изобличали подсудимых, но и проливали свет на вероломную роль пособников германских фашистов в других странах.

Там, в Нюрнберге, и зародилась идея этой книги. Мне захотелось рассказать о раскрытых тайнах международного заговора, о борьбе передового человечества с силами мрака, о судьбах простых людей, сражавшихся на фронтах и в подполье, людей разных национальностей, убеждений, политических взглядов, объ-

Я собрал материалы из воспоминаний немецких источников. После войны Западным миром наводили потоки мемуарной литературы. С разными намерениями авторы мемуаров брались за перо. Одни — для того чтобы раскрыть истину, другие — чтобы скрыть ее, фальсифицировать историю. События были разными, но меня интересовали факты, достоверные и конкретные.

Собранные материалы и легли в основу романа-хроники «Тайны войны».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ПОВЕЩАХ

ИЗДАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В том, что новобранная шхуна «Дунган» приписанная к порту Дунган, была в реке Ганган и проходила мимо недалеко от берега, было ничего удивительного — мало ли кораблей останавливается в реке Гангане. Только рыболов, стоявший босиком на палубе, удивился, увидев на берегу человека.

Рыболов отложил свой промысел и подошел к берегу. Глядя на человека, он подумал: «А что он там, на берегу, поставил? Пушечную пушку, хотя сейчас отправился на промысел».

Шурясь от яркого света, рыболов приложил козырьком руку к глазам и принялся рассматривать фигуру. Она стояла в нескольких сотнях ярдов, и накубачье настроянки, покрашенные в белую краску, выделялись на сером фоне воды.

А мне написать, что это, китобой или плавающий куратник? — загадочно ответил Виллям. — Мало ли ходит здесь всякая нечистота.

Он не отрываясь следил за пенящимся мимо котормо, и еще раз взглянул на него под солнцем алого-оранжевого цвета.

— Так, значит, не будешь спорить? Хочешь, на квартиру пойдешь?

— Нет, Джон, мне и без того осточертели споры. Хватит и этого Данцига. Зайдем, так выйдем... Ну и игра!

Рыболов углубился в свое занятие. Она больше не обращала внимания ни на судно с желтыми мачтами, ни на лоцманский буй, лишь подскочивший к невысокому борту шхуны.

У рыболовов не вызвало бы недоумения и то, что единственным пассажиром на шхуне был ее владелец — глава китобойной фирмы «Йогансен и сын», который в это время стоял на капитанском мостике. Мало ли кто в это знойное лето 1939 года искал прохлады и отдыха в морских путешествиях!

Владелец шхуны, квадратный человек с обветренным лицом и короткой шеей, молчаливо глядел на берег и терпеливо ждал лоцмана. С давних пор, еще с тех лет, когда он сам хаживал гарпунером на китобойный промысел, за Мартином Йогансеном сохранялось меткое прозвище — Кнехт. Оно так и прилепилось к нему, как ракушка к корабельному днищу.

...и в большой бонде, кто даром станет оформлять сделку! Марин тоже не остался внакладе.

— Да, я имею деловые связи с господином Вольфатом, — ответил Кукот, мучительно пытаясь сообразить, какое отношение это имеет к посещению незнакомого.

ВЫ ЗНАКОМЫ С НИМ ЛУЧШЕ?

ДА ИМСЮ ЧЕСТЬ БЫТЬ ВНАКОМЫМ

— Министр начал директор. Волнует сейчас находится в Ленинграде неизвестный человек, — он принял участие в работе Головной комиссии.

Господин Вайцман — переспросил Юнхейм.

Он пробудит здесь искры жизни. Ни не мог бы
Ничего встать... Иначе же, если бы...
милейна, Космос.

не в том, что в СССР не было ни одного
человека, который бы не считался с правами
и интересами иностранного гражданина, а в том,
что в СССР не было ни одного человека, который бы
не считался с правами и интересами своего
гражданина.

[illegible]

Содержание

[illegible]

ВЕРДИСАРНО КИРМУ

«...и идет с минимальными потерями. Хотели бы знать, каковы потери (говорит)? Вы знаете, да, да, да, потому что есть и другие интересы. Для многих людей, для тех, кто не знает, что наша проблема. Хотели бы сами увидеть, как мы это делаем? В том смысле, да, нашу услугу, а мы знаем, что при заключении хитловской конвенции английская сторона не бы пойти на значительные уступки».

— Я согласен по-прежнему ничего не понимать. Какое ему дело, кто и с кем хочет встречаться? Но если дело идет об Уступке Конвенции, он согласен.

Когда я должен встретиться с Вольфгангом?

Немедленно. Мы поедем с вами в гостиницу, где остановится американская делегация, и постараемся в ресторане увидеть министра внутренних дел. Вы, кажется, приехали с дочерью? Хорошо, если и она побеседует с нами. Там будет небольшое об-

«...десять минут. Падень, чай достанешь за эти минут, падень!»

«Что за диковина? — подумал Кнехт. — Откуда он знает, что здесь Луиза? Что ж, пусть и она поедет».

Покинув гостя, он вышел на палубу.

Луиза поселилась в кормовой части шхуны в каюте, которую отводили для нее старший механик. Сейчас, облокотившись о перила, она болтала со стюардом и рассеянно бросала в воду кусочки хлеба. Они плавали по течению, и около них мгновенно закипала вода — рыбки жадно растаскивали намокшие крошки.

— Луиза, мы едем в город! Падень вечернее платье. Только ради бога, быстрее! Идем тебя через десять минут.

Конечно, через десять минут сборы были только в разгаре. Луиза долго возилась с платьем. Не ладилась прическа. Потом она долго выбирала и примеряла шляпки.

Гость начал нервничать. Кнехт думал и в третий раз собирался послать стюарда за дочерью, когда Луиза наконец появилась. Одежда ее довольно безвкусно, но с подобающей роскошью. Шляпка из черной бархатной ткани, напудренной на лачи, делала ее еще короче. Это отняла про себя и посетитель, глядя на дочь с жеманкой. Фамилию свою он признался очень любил. Но Кнехт остался доволен нарядом дочери — он любил, чтобы она была дорога и одиноко.

Мартин Могансен облачился в черную тройку, оставив, как и всегда, не застегнутой нижнюю пуговицу жилета. Из жилетного кармана выпала маленькая золотая цепочка часов, сделанная в форме ажурного жемчуга. Берет Кнехт сменил на котелок, который оторвал себя в нем неудобно и время от времени поправлял его на затылке ладонью правой руки.

III

Машина неизвестного посетителя — черный полицейский мотоцикл — ждала за воротами порта. Солнце скрывалось за резными, прямоугольными балками Вестминстера, когда лимузин бесшумно выехал по направлению к Вест-Энду, в аристократические кварталы города. Минорав Графальгар-сквер с бронзовыми львами на постаментах, свернул к Пиккадили и остановился возле ресторану, облицованной серым гранитом.

В ресторане почти все столики были заняты. Но подоспевший метрдотель провел прибывших к сервированному столу, расположенному очень удобно — не на самом виду и в то же время так, что отсюда был виден весь зал. Стол был накрыт на восемь персон.

Незнакомец вырвал листок из записной книжки, что-то написал и передал метрдотелю.

— Позвоните по этому телефону и передайте, что мы ждем, — сказал он.

Мартин до сих пор не знал ни имени, ни фамилии нового жи-

— Как же вы поживаете? — спросил, кивнув головой в сторону, на которую указывал.
— Как и нему обещано.

— Кажется, здесь будет кто-то сидеть? — спросил он.

— Да, небольшая компания, — ответил англичанин и заговорил с Луизой.

Кнехт сразу же, как только вошел, заметил Вольтата. За его столом сидела молодая женщина в вечернем туалете и высокий мужчина, показавшийся Мартину знакомым. Кажется, он видел его в доме Гертруды. Кнехт поклонился, министр начал разговор. Тот ответил на приветствие и продолжал беседу с дамой и ее спутником.

Новый знакомый Кнехта, казалось, весь был поглощен беседой с Луизой. Он был необычайно галантен и оказывал ей постоянное внимание. Он предложил Луизе карточку, посоветовал взять с собой девочку — его здесь прекрасно готовят. Что касается вина, лучше пить светлое пиво. Оно несколько лучше и тоньше красного. На следующее стоит взять светлую землянику. Ее растят в галиции, поэтому так подаются к столу.

Дал себе англичанин заказ из вина с лимоном. Кнехт попросил подать то же.

Битермундский выбрал бифштекс, попросил, чтобы подали соусом, с кровью.

Мартин остался доволен началом вечера. Новый знакомый оказался приятным собеседником. Он рассказывал о поездке в Индию, о тамошних нравах, ужасном климате. Луиза оживилась, весело смеялась шуткам, отвечала на остроты, и Кнехту показалось, что она стала менее угловатой. Когда оркестр, скрытый за занавесками, заиграл вальс, любезный пригласил Луизу танцевать. Видимо, она ему нравилась. Мартин, глядя на танцующую пару, подумал: «Ничего бы не было такого затишья. Луиза англичанин, англичане тоже нравились. Дай-то бог!».

Время от времени Иогансен переводил глаза на стол, где сидел Гельмут Вольтат. Его спутник ушел танцевать с дамой, и он тоже остался один. Кнехт подошел. Они поговорились.

— У меня к вам есть поручение, — Иогансен наклонился и сказал почти на ухо: — Мистер Хадсон хотел бы побеседовать с вами по поводу, который может заинтересовать вас.

Вольтат метнул взгляд по сторонам. На них никто не обращал внимания.

— Когда?

— В любое время, когда вам будет удобно.

— Хорошо. Завтра я дам вам ответ. Вы, конечно, будете на совещании?

Оркестр перестал играть, танцующие возвращались к столикам. Мартин и Кнехт. Спутнику он тихо сказал:

— Ответ даст завтра, на совещании.

Больше об этом не говорили. Вскоре в ресторане появились еще две пары: — чопорные дамы в сопровождении элегантных мужчин. Англичанин поднялся, приветствуя их. Представил Луизу и ее

жизнью. Кириатрикс не могла смириться с тем, что ее муж не хочет жить с ней. Чего, кстати, девушкам голову. Гораздо чаще женатые люди так поступают. А она совсем дура, растаяла!.. Глядите, как раскраснелась! Не разберешь, отчего — от уличения или от лисьего палачья. Надо же в такую жару обряжаться в меха!

Он заторопился. Пора домой. У него есть совершенно неотложные дела.

Кириатрикс не возражала. Он распростился с остальными и поспешил провожать Луизу и Кнехта. Марии же до дороги не было. Она обрадовалась болтовне дочери. Что она нашла в этом особенного?

Мария остановилась у тускло освещенной набережной. Когда же шофер выскочил из кабины и распахнул дверцу. Кириатрикс вышла из машины, устало простояла и приказал шоферу ехать. Когда же домой он позвонил сэр-у Вильсону и доложил о результатах своего визита.

— Издалось, вы не назвали имен министров? — спросил сэр-у Вильсон.

— Нет, сэр, о вас же речь и шла. Я говорил только о Берлине. — Отлично! Значит, ответ будет завтра. Спокойной ночи!

III

На следующее утро Вольфганг покинул ресторан гораздо раньше Кнехта и его спутника. Он сразу же отправился в посольство, чтобы доложить о своем Дириксоне — германским послом в Лондоне.

Восемь часов вечера в Берлине отменили телефонные переговоры. Дириксон сообщил в министерство иностранных дел о том, что сэр-у Вильсон и Вольфганг дошли в контакт с английскими дипломатами. Дириксону не удалось, но англичане сами, видимо, много узнали. Дириксон немедленно информировал о предложении, поступившем от английского китолова, о направлении к нему в течение ближайших нескольких дней министра иностранных дел. Сэр-у Дириксону удалось получить ответ не позже одиннадцати утра, а открытию совещания предшествовало.

На следующее утро Вольфганг сам нашел в кулуарах германского посольства промышленников и доверительно сообщил, что готов встретиться с мистером Хадсоном. Он просил уточнить место встречи. Министериаль-директор еще перед отъездом на совещание получил ответ из Берлина. Риббентрон отнесся одобительно к личному предложению, но рекомендовал Вольфгангу не давать никаких обещаний, лучше слушать самому, а предстоящий разговор представить как частную беседу, как предварительное заседание совещания.

Кириатрикс тоже присутствовал на открытии конференции китологов. Подтянутый, элегантный, он оживленно разговаривал с членами британской делегации, когда Кнехт протиснулся к нему сквозь толпу гостей и участников совещания. Он отозвал Кириатрикса в сторону и передал ответ министриаль-директора.

...и, конечно, как свободный гражданин, он не должен был...
...и любезности министра — еще одну директиву — пере-
дайте министру-директору, что миссер Хадсон ожидает его
завтра после полудня в любое время. Вот адрес.

Кирпатрик достал из бокового кармана картонку и передал ее
Кнехту.

— Как чувствует себя ваша дочь? Она очень мила...

— Спасибо, — сердито буркнул Кнехт, вспомнив вчерашние
испытания.

Делегатов пригласили в зал заседания. Немецкие китопромыш-
ленники сидели за противоположным концом стола, покрытого за-
щитным чехом. Кнехт нацарапал лаконичную записку: «Сегодня
после полудня в любое время». Он вложил ее в конверт вместе с ад-
дресом, написал «Господину Вольгату, министр-директор» и
передал соседу. Кнехт видел, как записка шла по рукам делегатов.
Вольгат неторопливо раскрыл конверт, прочитал, аккуратно
сложил записку, сунул ее обратно в конверт и положил в карман.
Он еще некоторое время посидел на совещании и вскоре ушел.

С тех пор американский китопромышленник Мартин Норман
никогда не встречался ни с Кирпатриком, озабоченным его доч-
кой, ни с Гельмутом Вольгатом, с которым Кнехт собирался перемолвить
по поводу продления контракта. Ни тот, ни другой не появлялись
больше на заседаниях китодовой комиссии. «Стоило ему прие-
хать в Лондон!» — думал Кнехт, досадно и недоуменно по поводу
странного поведения Вольгата.

В китовых работах, в сутковом повседневном деле Кнехт за-
был вскоре о таинственном позвонившем ему представителе. Ха-
рактеристика, на заключительном банкете китоловов, подан-
ная Кнехту по простоте душевной показавшаяся за столом, как
таковой он, Кнехт, организатора встречи английского минист-
ра-директора Вольгата. Разговор шла о том, что из журналов
его происходить и пенять, но Кнехт не имел представления о по-
следствиях этого банкетства — это произошло уже после его
отъезда из Лондона. Да и едва ли он мог вспомнить, что говорил
на банкете, когда проснулся на следующее утро с тяжелой головой
болело.

Несколько дольше сохранялся у Кнехта чувство латавшей
обиды и горечи от крушения мимолетных надежд сделать своим
законным советником и ловкого англичанина. Маль, не удалось за-
вербовать такого кита!..

Из многолетнего опыта Кнехт знал, как в море киты находят
друг друга. Они сходятся там, где есть корм, где скапливаются
многочисленные рачки-черноглазки. На огромной морской поверхно-
сти присутствия этих крохотных животных вода приобретает крас-
новато-желтый оттенок. Знал Кнехт и акулий повадки, знал, что
акулий стаи всегда предшествуют мелким синим рыбешкам — на-
водничкам. Они питаются крохами добычи акула. Но китопромыш-
ленник и не подозревал, что в океане политических интриг он сам
оказался таким рачком-черноглазкой или рыбешкой-наводничком.

Кнехт вскоре поинтересовался, почему же в китоловном совещании Кнехт вскоре поинтересовался. Должна бродит по Европе в поисках новых покупателей китового жира и жениха для засидевшейся дочери. Он не имел ни малейшего представления о том, что в событиях, которые через несколько недель ввергли мир в новую войну, он, Мартин Йогансен, по прозвищу Кнехт, принимал непосредственное участие.

IV

В тот же день, когда открылось китоловное совещание, Пельмт Вольтат после полудня отправился к министру заморской торговли мистеру Хадсону.

Жара начинала спадать, но в городе было необычайно душно. Раскаленный асфальт, стены домов не унежились, и от них, и от машиниферов, тянуло зноем. Из предосторожности, чтобы не заразиться привосточью, Вольтат отказался от посольского «хортона» и предпочел взять такси где-нибудь в городе.

С видом человека, которому некуда торопиться, он вышел из гостиницы, пересек улицу и теневой стороной, затерявшись среди пешеходов, направился к Темзе. У него было время паразитично отсиживавшей беседы.

Экономический советник Берлина сам искал встречи с влиятельными англичанами. Для того и прилетел он с континента в британскую столицу под видом участника китоловного совещания. Правда, Вольтат рассчитывал на более солидную встречу, но для начала нелишне поговорить и с Хадсоном. Там более что именно Хадсон ездил недавно в Москву, под там начинало переговоры между правительством британского премьера. В Берлине поездка Хадсона вызвала беспокойство, заставляла насторожиться — как бы англичанин не выкинул какой-нибудь фокус.

Вообще за последние время в англо-германских отношениях, судя по мнению после Мюнхена, такие широкие перспективы, ввязывая вступило взаимное охлаждение. Между партнерами пробежала черная кошка. Вольтат уверен, что произошло это после мартовских событий в Чехословакии, когда Фюрер плюнул на свои мюнхенские обещания, на гарантии и занял Прагу. Он заставил президента Гаха подписать акт о ликвидации самостоятельного Чехословацкого государства. Министериаль-директор отлично помнил, как это произошло. Фюрер-большой министр идти ва-банк!

Старика Эмиль Гаха и вправду поволновил себя чехословацким президентом — заупрямился ехать в Берлин по вызову Фюрера. У старика оказалась короткая память. Он забыл, что президентское кресло получил не настоящие Гитлера, вскоре после того как в Мюнхене Судетскую область присоединили к Германии. Фюрер уже тогда знал, что делает, — Мюнхен был только началом.

Гаха, видите ли, заявил, что ему неудобно раскрывать свои связи с Берлином. Пришлось просто-напросто взять старика под руки и усадить в самолет. Впрочем, Гаха особенно и не упирался. Зато в Берлине на Темпельгофском аэродроме инсценировали пыш-

...некоторые приехали раньше. Это нужно
общественного мнения. Кто бы мог подумать, что за час до того
президента не совсем вежливо посажен в самолет.

Газу торжественно отвезли в имперскую канцелярию, а там он
стандартно до полуночи ждал в приемной, пока Гитлер соблаговолил
пригласить его к себе в кабинет. С первых же слов Гитлер начал
угрожать, грозить, топтать ногами. Под конец бросил на стол зато-
пленный акт, вышел из кабинета. Место фюрера занял Геринг.
Он кричал на президента, но сказал: «Даль, что придется со-
браться в Прагу, это такой красивый город... Я вынужден отдать при-
каз...» — и потянулся к телефону.

Там устал в обморок; его привели в чувство. Дрожащей рукою
подписал акт: Чехословакия «добровольно» присоединилась к
Германии. Тем временем германские войска уже заняли Прагу. Министр
частенько вспоминал, как он нагнал страху на президента.
Это стало его любимой шуткой, он не раз повторял: «Теперь
можно как тащить за шиворот президентов!». Ничего говорить, он
уже не мог даже ходить.

Но Гитлер не менее все это испортило отношения с французами и
английцами. Болтат был искренне убежден, что произойдет
какое-то чудовищное недоразумение — англичане же сами подстрекали
Гитлера. Недоразумение следует расследовать и устранить. Ведь в
какой-то день, когда Прага стала немецкой провинцией, в Дюссель-
дорфе состоялось тайное совещание английских и немецких
предпринимателей. Все шло как нельзя лучше — совещание само-
уничтожило взаимные интересы. Больше того, пред-
ставитель делового мира обеих стран установился в случае чего
идти к своим правительствам за поддержкой, на случай если
они будут притеснять стандарты жизни и колеса и наносить ущерб
взаимным интересам.

Вот на тебе, все расслышалось. Теперь снова надо что-то
предпринимать. Именно с этой целью, усевшись в тряское и неудобное
такси, Болтат ехал в душной, перегретой, как жаровня, машине
встречу с мистером Хадсоном.

Министральный директор встретилную цену, расплатился
у входа бульвара с шофером и направился к одноэтажному особняку,
перед которым был разбит небольшой, тщательно подстриженный
скверик. Местом для встречи Хадсон избрал частную квартиру.

Беседа с Хадсоном носила дружеский характер. Министр начал
развивать идею англо-германского сотрудничества на мировом
рынке, говорил о разграничении сфер интересов обеих стран, об
устранении ненужной конкуренции. Болтат обратил внимание, что
министр во многом повторяет то, что говорили представители
британских промышленников на совещании в Дюссель-
дорфе; он словно копировал их заявления.

— Мы с вами деловые люди, — доверительно сказал министр. —
Что нам делить? Разве мир стал тесен?

Министр Хадсон намекнул, что английское правительство посто-